

Зеркало
памяти

ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ

Долгое
ЭХО ЛЮБВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Дизайн серии *Андрея Фереза*

Дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*

Издание осуществлено при участии *Софии Шегельман*

Предисловие, послесловие, стихи *Софии Шегельман*

Фото на обложке *Владислава Шидловского* / РИА Новости

В оформлении книги использованы фотографии работы
Дмитрия Бочарова, а также из личного архива автора,
фондов музея Государственного академического Малого театра
и ФГУП МИА «Россия сегодня»

Быстрицкая, Элина Авраамовна

Б95 Долгое эхо любви / Элина Быстрицкая; предисл., послесл., стихи С. Шегельман. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 336 с.; илл. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-121547-7

Удивительной женственностью, красотой, обаянием была наделена Элина Быстрицкая, женщина с железным характером и сильной волей. Именно такая могла сыграть Аксинью в фильме «Тихий Дон» и навсегда завладеть любовью зрителей. Актриса была хорошо знакома с Михаилом Шолоховым, и в этой книге дает свой ответ на вопрос, кто же все-таки был автором знаменитого романа. Она рассказывает читателю о радостных и трудных моментах своего творческого пути и многогранной общественной деятельности, об известных артистах — партнерах по сцене и кино — Михаиле Жарове, Борисе Бабочкине, Софье Гиацинтовой, Сергее Бондарчуке, Николае Черкасове, Михаиле Ульянове, о любимых ролях в Малом театре, который был для нее вторым домом. На его сцене Быстрицкая играла более шестидесяти лет. А потом неожиданно для себя сменила амплуа — стала певицей. И зритель принял ее в этой новой роли и поддержал.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121547-7

© Э.А. Быстрицкая (наследники), 2020
© С.А. Шегельман, предисловие,
послесловие, стихи, 2020
© РИА Новости, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моя Элина

Общее место неглубокой философии — все мы родом из детства. Или из войны. Или из любви? Нам кажется, что мы выбираем для себя по себе. Но кому в нашем поколении досталось детство без войны? И кому судьбой начертано разминуться на всю жизнь с любовью? Так не бывает. А значит, мы только выбираем акцент, отправную точку начала пути. Где сказано, что это точка? Во всех случаях — конгломерат, плотный сплав всех доминант жизненных обстоятельств на конкретный момент. Потому у каждого из нас — будь он родом просто из детства, или из взрослого опыта военного, а потому всегда драматического детства, или из благополучного мирного и теплого семейного быта, — бывают в жизни моменты лирики, самозабвенной любви, восторга творчества или моменты отчаяния, гнева, обиды. Весь вопрос — чего больше, что преобладает. Тут уже вступают в права биография и характер — не только самого человека, но его семьи, его страны, его мира.

Моя Элина. Знаю Элину Авраамовну Быстрицкую сколько живу. Помню, какой она была, когда еще не стала великой актрисой, общественным деятелем, носителем многих почетных и уважаемых регалий и званий, и думаю, что правильно понимаю и чувствую, а потому и могу оценить ее мотивы и поступки. За долгую жизнь набралось бесчисленное множество интервью, рецензий, отзывов в самых разных изданиях. В большинстве — о железном характере, стальной воле и кремневой целеустремленности. В стиле «гвозди бы делать из этих людей». Не надо гвозди. Надо просто понять. Убрать за скобки мелочи. Кто, когда и как обидел, кто, где и почему не так понял... Остается то, что остается и после нас. Особо значительное. Все прочее несущественно.

Росла девочка в благополучном доме. Мама, папа, любящая бабушка, школа, подружки, игры в доктора или в Чапая. Самодельная сцена на лестничной площадке, занавес – бабушкина юбка, зрители – соседи, артисты – дети, дружная компания. И на все это обрушилась война, смела ту жизнь в момент. Детство кончилось в тринадцать лет. Дальше – кровь, смерть, голод. И такой характерный для того времени порыв стать в строй, подставить руки, не остаться в стороне. Четыре года беды – это всегда много. В тринадцать – это четверть всей прожитой жизни. То есть характер складывается из этих лет, из этих бед. И побед. Чтобы жить, надо побеждать. По-другому – поражение. И еще – надо отвечать за все. Головой. Не меньше. Такова исходная позиция. Таково мировосприятие, тесно сплетенное с мироощущением – той данностью, что определяется генами, воспитанием. Таков ракурс видения жизни. Таково отношение к себе и своему месту в ней. К корням.

Никогда жизнь не бывает одноцветной, даже в беспросветности военных будней были свои отдушины. Этакое хорошее через плохое. Непредсказуемые дороги войны привели нас в город Актюбинск. Благо, ненадолго. В домике, где мы поселились, полы были глинобитные. Сегодня мало кто знает, что это такое. А это на самом деле земляной пол, который вместо мытья надо промазывать свежесамешенным составом из воды, жирной глины и коровьих лепешек. Вы спросите, зачем навоз? Так глины столько не наберешься, где ее брать в солончаках, там даже колодезная вода густосоленая. Процедура как бы несложная: все компоненты в деревянной бадье смешать с этой самой соленой водой и тщательно ногами вымесить, а потом, стоя, естественно, в той самой позе, которая в интеллигентном варианте называется «на карачках», очень ровно и гладко размазать полученную «мастику» по всему полу, не оставляя огрехов или толщин, и потом не входить, пока не высохнет. Вошение паркета по сравне-

нию с этой процедурой – просто фитнес-шоу. В комнате, где мы жили, эта работа ложилась на плечи моей сестры. Сначала надо было пойти в степь, набрать этих свежих коровьих лепешек для пола и заодно сухих кизяков на растопку, а уж потом выполнять все вышеописанное. Дом стоял на окраине, за ним – капустное поле, уже без капусты (а темнозеленые крайние капустные листья, если находили, мы в этой самой соленой воде варили и ели), а дальше – степь. И моя бесстрашная сестра ходила туда одна, только хозяйскую собаку брала с собой. Сегодня, начитавшись Сабанеева, я твердо знаю, что это был пойнтер. А тогда и слова такого, наверное, не слыхала. Просто была большая и добрая шоколадного цвета собака по кличке Букет.

В один из таких степных походов сестричка моя то ли спрыгнула, то ли свалилась в довольно глубокую яму. Выбраться из нее долго не могла, а Букет метался вверху, лаял, скулил, хотел помочь, да не знал, как. Уже и смеркаться стало, а в степи ночью еще страшнее, чем днем: шакалы. После множества безуспешных попыток ухватиться за торчащие из краев ямы корни и стебли Элина сообразила – сняла свой солдатский ремень, бросила конец с пряжкой Букету, и пес, упершись всеми четырьмя лапами в землю, вытащил сестру наверх. Многие собаки верно служили людям и совершали героические подвиги. Я чту Букета больше, чем других.

А вернувшись, сестричка моя занялась наведением чистоты с помощью коровьих лепешек. Это ей тогда еще пятнадцати лет не было.

Странно, мы много лет с нею не вспоминали эту историю. Но любовь к собакам она несет через всю жизнь, моя прославленная и великая и самая любимая и дорогая старшая сестра. У меня навсегда осталось чувство вины, что не помогала ей с этим самым навозом, что ленилась растопить печку, сидя дома (это уже попозже, когда мы вернулись домой и я пошла в школу), что съела

целый чугунок каши, сваренной на троих, не со зла и не от жадности, а просто по незнанию и с голодухи. Это все – про теперь, когда мы взрослые, чтоб не сказать более точно. А тогда было единственное желание – остаться в живых после тихого ужаса глубокого тыла.

Сегодня я слушаю, как ее теплый голос распевно произносит знакомые с детства строки пушкинских сказок, плоть от плоти народных, завораживает миром фантазии, небыли. Слушаю и вспоминаю давнее, детское, еще никак с театром не связанное:

...Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь... –

восхищенно читает мне Элина, и в комнате воочию появляется этот янтарный блеск, даже как бы вспыхивают блики огня на ее лице, слышен явственно треск веселого пламени, и кажется, даже воздух наполняется запахом горящих поленьев и теплом очага, хотя об этом у классика – ни слова. Эта вера в сказку, в чудо, в волшебство и умение заразить ими окружающих остались у нее на всю жизнь. В те давние уже времена слово *энергетика* могло относиться, например, к ДнепроГЭСу – это, если кто помнит, такая электростанция, – но разве это не та самая мощная энергетика, без которой нечего делать на театральных подмостках, да и вообще в творчестве?! А ведь Элина тогда была совсем еще девочкой, ученицей. Значит, жизненное предназначение заложено изначально? Но тогда почему так сложен путь к его осуществлению? Может быть, это и есть дорога к храму? Она тем круче, чем выше вознесен в собственном сердце храм. И тем сложнее, чем жестче жизненные обстоятельства. В данном случае – это война.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди, —

раздумчиво спрашивает Элина знакомыми словами Константина Симонова, и вспоминаются дороги войны, горящие хлеба вдоль тракта, разрывы бомб у железнодорожной колеи, бегущие по ней от бомбежки до бомбежки санитарные поезда и наш быт в них. Голод. Голос Левитана — суровый или торжествующий, с нотками скорби или ликования. Люди. Разные — те, кто спасал, и те, кто нес беду. И работа. Взрослая, обязательная, ответственная работа рядом с кровью и смертью ради грядущей победы. Все это Элина прошла по возрасту ребенком, по своему отношению — взрослым человеком, зрелой личностью, развернутой навстречу жизни.

Уже в послевоенное время, где-то в начале семидесятых, появился в нашем доме немолодой и нездоровый человек. Звали его Костя Машинин, я сама его совсем не помнила, но помнили мама и Элина. Он приехал к нам на несколько дней погостить из Ленинграда. Оказалось, что в годы войны моя сестричка спасла ему жизнь. Как? Донором она была, после своей госпитальной смены кровь сдавала для раненых. И Костя не единственный, кто обязан ей жизнью. Просто другие в гости не приезжали. А ведь мы никогда не говорили об этом. Как будто это не подвиг, а так, течение времени.

Эту черту характера — идти навстречу всему, что несет жизнь, брать на себя всю полноту противостояния — она сохраняет по сей день. Потому стихи о войне воспринимает всем сердцем — не только их звучание и стройность формы, но и сюжетное наполнение, философию времени, последующее переосмысление своих действий и поступков окружающих. И она читает эти стихи так, будто написала их сама, на разрыв сердца, в унисон с автором. Потому что помнит цену тихой минуты, боль утраты,

радость обретения, невозможный всплеск жизни среди немыслимой тлетворности войны. Ту самую открытость сердец, сегодня более редкую, чем в те трудные времена. Иным это понимание дается опытом целой жизни. Ей – бысролетными годами отрочества, когда максимализм – естественное состояние души. Наверное, поэтому способность к стратегическому отступлению не значится в ряду ее достоинств. В быту, конечно, бывает по-разному, но в творчестве Элина Авраамовна Быстрицкая – образец бескомпромиссности, целеустремленности, убежденности. В разные периоды жизни она доказала это в самых разных сферах своей деятельности. И когда вполне деятельно проявила себя как президент Федерации художественной гимнастики СССР, и в федерации любимого своего бильярда, и в общественной комиссии по патриотическому воспитанию – была такая комиссия, когда патриотизм не считался ругательством. Сегодня о комиссии мало кто помнит, но воспитательный порыв остался и реализуется вполне конкретно. Потому что дать послушать безбашенным подросткам нашего безбашенного времени отодвинутую триллерами-блокбастерами классику, например сказки-баллады, на которых возвращаются люди со здоровой психикой, – это уже миссия, и она взяла эту благородную миссию на себя.

Сегодня мы все радуемся за Светлану Алексиевич, критики наперебой спешат заявить, что с самого начала разглядели в ней большой талант. Критиканы, как им и полагается, критикуют. Когда только вышла ее книга «У войны – не женское лицо», это еще надо было осмыслить, доказать, принять. То есть конъюнктурный момент в то время отсутствовал. Но был текст, очень созвучный тому пути, который прошла Элина. И она первая подготовила моноспектакль – сценическое действие, в котором все героини Светланы Алексиевич, тогда еще не лауреата Нобелевской премии, а начинающего белорусского литератора,

Элина представила зрителям. Это был очень успешный спектакль. И потому, что в основе его лежал живой подвиг народа, и в немалой мере по той причине, что полностью выкладываться в деле, которое делаешь, — это то «ноу-хау», которое служит основополагающим принципом деятельности Элины на протяжении всей ее жизни. То есть полная самоотдача — это для моей сестрички естественное самовыражение личности. Таким был наш отец — доктор Авраам Быстрицкий. Такова Элина. Не на пустом месте.

Как это преломляется в актерской работе? А вспомните фильм «Добровольцы» и его самую яркую сцену — собрание. Молнии из глаз, абсолютное пренебрежение к внешней красивости, отчего внутренняя, подлинная красота еще ярче и очевиднее. Чтобы так сыграть, нужно так чувствовать. Помню, в кинозале рядом со мной сидел пожилой уже, по моим тогдашним меркам (лет, наверное, пятидесяти), мужчина с роскошными седоватыми усами. В какой-то момент он всхлипнул, я посмотрела — а у него по усам слеза течет. Дорогого стоит.

А если кому-то чужда страстность комсомольской юности, вспомните Аксинью — один из самых ярких женских образов в мировой литературной классике, а с появлением фильма Сергея Герасимова — и в классике кино. Не самоотречение, но — самоотдача, все богатство чувств, заостренное на любовь до последнего вздоха. И сам этот последний вздох на экране. Тайнство смерти рядом с таинством жизни. Все как в реальности, только степень концентрации иная: надо ведь за часы киносеанса прожить любовь, разлуку, измену, материнство — целую жизнь. Вместе со зрителем. Наверное, не просто так казаки признали Элину за свою, даже воинское звание присвоили. А в детстве — помните? — были игры в Чапая. Не донской он был, яицкий, но — казак. Так сходятся круги на жизненном пути, где нет места случайности.

Ведь и те детские довоенные игры в доктора тоже сошлись не только службой в военном госпитале, не только красным дипломом фельдшера-акушерки. Была еще заглавная роль в арбузовской «Тане» – вполне успешное начало сценического пути в Вильнюсском русском драматическом театре. К счастью, еще живы люди, видевшие этот спектакль, потому что пьеса, столь популярная в пятидесятые годы прошлого века, уже ушла в историю. Пресса тогда сходилась на том, что исполнение Элины отмечено свежестью и непосредственностью. А я помню, кроме того, и разговоры в фойе во время антракта – самый непосредственный срез критики. Это было восхищение. Не только свежестью и непосредственностью, не только красотой и пластичностью, еще и точностью обозначения профессии в заданной драматургии. Более позднее подтверждение этой грани ее творчества находим в фильме Ф. Эрмлера «Неоконченная повесть». При всей наивной предсказуемости развития сюжета сама ткань фильма настолько точна, что к героине Элины, доктору Муромцевой, хочется пойти полечиться. Фильм тогда прозвучал очень ярко, конкурсы в медицинские институты после его выхода выросли в разы, а новорожденных девочек стали массово называть Элинами, и мода на это имя продержалась долго. Уже в этой работе можно говорить о многогранности образа. Разумеется, тем, кто хорошо помнит фильм, прежде иного вспоминается сцена с больной девочкой – филигранное выражение профессиональной состоятельности и вместе с тем женского начала с точнейшими деталями – такими, как сброшенные с усталых ног туфельки. И никак не тяготивший в те времена привычный коммунальный быт, когда вполне уместно было музицировать на соседском фортепиано. Мы видим в ее исполнении эту привычность, укорененность в своем времени, в своем социальном и нравственном укладе. То есть органичность и глубину личности актрисы через ситуацию героини. А как не вспомнить сцену

застолья — столько в ней теплого, домашнего, подлинного уюта тех трапез, когда «картошечка с селедочкой» были фоном для задушевной песни.

Собственно, песня — это особая тема в жизни Элины Быстрицкой. Детство прошло на Украине, где песня — тот обязательный фон, без которого нет самой жизни. В наиболее общем виде он проявлялся, да, надо думать, и теперь проявляется, на провинциальных улицах в самом его народном выражении. «Розпрягайтэ, хлопци, конэй» много раз за вечер звучало под окнами — молодежь тогда больше развлекалась на свежем воздухе, дискотеки придумали позже. А из черной тарелки на стене лились песенные мелодии — «Цвитэ тэрен...», «Ой ты, Галю...», «Там, дэ явор...». И, разумеется, русская песенная классика — романсы, народные песни. Вы не поверите, но в те времена даже слова «попса» не было, не то что этого эрзаца музыкальной культуры. А была стихийная, неосознанная и не декларируемая любовь к песне, и это можно видеть сегодня по тому, как светлеют лица, когда звучит знакомая, любимая песенная мелодия.

Служение в театре предполагает некоторый уровень музыкальной культуры и владения вокалом, как и хореографией, орфоэпией или основами сценической речи. Понятно, что как природные данные, так и полученная ею школа, наработанный опыт, целая жизнь в условиях одного из самых прославленных театров России обеспечили Элине высокий уровень этих критериев актерского мастерства. Можно, разумеется, подробно остановиться на ролях в пьесах А. Островского, М. Горького, О. Уайльда, А. Грибоедова, в которых оттачивала мастерство актриса Малого театра народная артистка Советского Союза Элина Быстрицкая. В свое время искусствоведы так точно и глубоко исследовали их, что и добавить нечего. А повторяться? Куда ближе хотя бы по времени успешные выступления в концертах труппы Малого театра — удачная находка последних лет. Успех окрыляет.

Уместно здесь сказать еще об одной грани ее характера, трудно определить, природной или полученной долгим путем самовоспитания. Так или иначе, но именно это качество зародило в ней профессиональный интерес к вокалу как самодостаточному виду исполнительского мастерства. Общеизвестно, что большой грех — «зарывать свой талант в землю», не отдать людям полностью то, чем наградила природа. Только не все относят это общее знание к себе лично. Потому что для этого нужны мужество и отвага. Совсем в зрелые годы, когда вопросы карьерного роста, стремление удивить или обескуражить, доказать себе и другим свою творческую и человеческую состоятельность уже как бы осуществились, когда прочно сложился имидж звезды и фамилия давно стала именем, когда театральный зритель приходит «на Быстрицкую», сама Быстрицкая отважно выходит на сцену совсем в новом качестве — не укрывшись за спиной драматурга и режиссера, не ожидая помощи партнера. Со всей отвагой первооткрывателя она позиционирует себя как певица, и зрители принимают ее с благодарностью и интересом.

Загадки в этом успехе, похоже, нет. Первый, кто испытывает счастье от вокальной деятельности народной артистки Советского Союза Элины Быстрицкой, — это Элина Быстрицкая. Вы когда-нибудь слышали хруст французской булки? А она с явственным восхищением слышит всякий раз, когда описывает нам, как упоительны в России вечера. А помните аромат белой акации? Она помнит. И даже обилием алых роз из пошловатого, на мой взгляд, недавнего шлягера не устает наслаждаться.

Она подготовила обширный репертуар, сверхтребовательно подходя к отбору вокальных произведений. Как и в иных гранях творчества, здесь особая роль отведена песням о войне, в том числе тем, которые мы помним как песни Бернеса.

Уместно отметить, насколько важно сохранить этот пласт национальной культуры, вернуть его в активное обращение. Вновь

научить людей слушать и понимать услышанное. Наверное, это и определило ее выбор репертуара.

Можно, разумеется, подробно разбирать каждый романс, каждую забытую народную песню. Можно рассказать, что нового вносит актриса в свое исполнение старых, всем знакомых произведений. Но лучше просто слушать и разделять с Элиной счастье первооткрывателя, погружаться в чистый мир красоты и правды.

Это не просто присутствие, это работа. Та работа, которая в каждом отдельном случае дает понимание, соучастие — если хотите, соавторство. А без этого зачем слушать, читать, смотреть?

София Шегельман